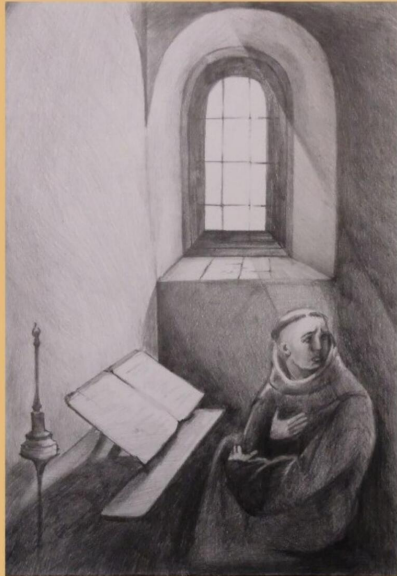

Григорий Веский

Поэма

Монах

Григорий Веский Монах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69037141
SelfPub; 2023*

Аннотация

История романтической любви монаха к девушке, которая коренным образом изменила его жизнь в монастыре.

Григорий Веский

Монах

*Прими, читатель мой, писанье,
Которым втайне дорожу.
Готов услышать нареканье,
Но таково воспоминанье...
Суровой истине служу.*

Пролог

Моя история о том,
Какие есть мечты на свете,
О нечестивом, о святом,
О снах желанных на рассвете.
Один особенно хорош;
Рассказ ему я посвящаю,
Он на другие не похож,
Его с улыбкой провожаю.
Я по призванию – поэт,
Без притязаний и амбиций,
Не отступаю от традиций,
Мне в радость просвещения свет.

* * *

Передо мною край надежд,
Смиренья, чести благородной...
Не для попытки он бесплодной,
Не для законченных невежд.
Там всё свободою дышало,
Напоминало, право, рай,
Любви там сердце трепетало,
Там слов не вымолвить: *Прощай...*

* * *

Восход заметно отличался
Непревзойдённой красотой,
В нём ангел праведный купался
На редкость с чистою душой.
И день как девы отраженье:
Высокой, стройной, молодой,
Где каждый черпал вдохновенье,
Стремился к музе на постой.

* * *

Закат безумно восхищал
Игрой живою, ежечасной;
Так сердце греет *идеал*
Своей улыбкой сладострастной.
Великолепье замыкала
Ночная прелесть тишины...
Природа будто отдыхала;
По слухам вещи там сны.
Там в торжестве великих дум
Источник бил благоволенья,
Там пробуждался спящий ум,
Там гений жаждал утвержденья!

* * *

Попавший в те места, бывало,
В священный верил ритуал,
Ему чего-то не хватало...
Быть может, истины начало
Умом невольно познавал?
Но коль встречался кугуар,
То от его уже оскала

Кровь в жилах тут же застывала,
Исчезнуть мог и речи дар.
За ним как будто бы следили,
Не отпуская ни на шаг;
Здесь интуиция – маяк,
Его огни ему светили.
Там будто в поле подозренья:
Врага бесшумные шаги,
Как чёрной магии круги;
Там далеко до примиренья.
Творилось нечто да такое,
Что даже трудно описать!
Не находил уже в покое
Ту, прежде, божью благодать.

* * *

Бунтарь особенно опасен,
Когда из крайности одной
Переметнётся он к другой...
Туманен взор его, неясен.

* * *

Он шёл вперёд, пути не зная,
Себя нисколько не щадил,
Но над опасностью шутил,
В блаженстве дивном утопая.
Казался с виду отрешённым,
Дав благочестию обет,
Духовно твёрдо убеждённым
В грядущем шествии побед.
То, странно, вдруг преобразался,
Дыша прерывисто, хрипя;
Сказать готов, похоже, я:
Чего-то искренне пугался...
Его надежда покидала,
Лишая разума на миг;
Его как будто в гроб вгоняла,
Себя ведёт он как старик.
Мечта заветная для многих
Реализуется во снах,
В обмане сладком, на пирах:
Там не до правил часто строгих.

* * *

Там вызывали слёзы... дали;
Их невозможно удержать,
И впрямь по ним должны скучать,

Надолго их запоминали.
И вот они в воспоминаньях:
Долины, реки и леса,
Творились будто чудеса —
В их, смысл жизни, очертаньях.
Такие чувства навевали
Края таинственные те;
По ним не раз в сердцах вздыхали;
Но, памятуя о тщете,
На случай всё же уповали.

* * *

Среди высоких снежных гор
Сей монастырь в тиши таился
Не как судьбе немой укор;
О, взор чужой к нему стремился!
То было чудо из чудес;
То воплощение Афины,
А к ней особый интерес —
На то серьёзные причины!
Широкой каменной стеною
От искушений ограждён;
Мораль здесь задавала тон,
Затмив греховное собою.
Был не забыт, по счастью, Богом,

Храним от зависти людской;
Давно к святым его порогам
Тянулся страждущий душой.

* * *

Нередко в буйных головах
Идеи мечутся шальные;
Они порой наводят страх
Своим свечением в глазах
(Так часто выглядят... больные).
Присуще каждому сомненью;
Не всем дано познать покой;
Дарил он щедро отрешенье,
Красе потворствуя земной.

* * *

Нет, не по слухам эфемерным
Себя вниманьем окружил,
Дух справедливости царил,
Не место там поступкам скверным.
Однообразной, монотонной
Та жизнь монахов не была —

Она, на гибель обречённой
Среди неверующих слыла.
Врата дубовые в металле
Изображали путь Христа...
Тут фарисеи угрожали;
Их обвиненья разделяли,
Казалось, даже неспроста.
Мираж тернового венца,
Как призрак грозный наказания,
Изведав силу покаянья,
Держал в покорности сердца.
В себе соблазны подавляя
(Во вред мирские словеса!)
Плоть беспощадно усмиряя,
Бросали взор на небеса.
Им представлялось сновиденье:
Они в кругу своих друзей,
А Бог дарует всем прощенье,
Он призван для счастливых дней.
Пророки, впрочем, терпеливо
Своих монахов берегли;
Как пастухи овец ревниво
С любовью нежною пасли.
К разгульной жизни – интерес,
Скажу, молитвы притупляли,
Их многократно повторяли;
Всё ж одного коснулся бес.

Монах, тем бесом совращённый,
Того не ведал, что творил,
Но по упрямству убеждённый,
Считал, что праведностью жил.
Ложился он с заходом солнца,
Изведал тяготы труда,
Сидел часами у оконца,
Приливы чувствуя стыда.
Он слушал проповеди вяло;
Что предвещал грядущий день? —
Едва лишь только рассветало
Бродил по келье словно тень —
Одолевали ведь сомненья...
Надеждой душу согревал,
Приятны стали наважденья,
Хотя умело их скрывал.
Какие видел он картины?
Быть может, дальние края?
Иные зреют для чужбины,
Для изнуряющей кручины...
Здесь уточнять не стану я.
Хочу напомнить о морали,
Хочу сказать: Всё это сон!
О, нет конца моей печали...

Я сам немало удивлён.
В нём измененья проявлялись,
Но их в себе не замечал,
Их не на шутку опасались,
(О том монах не раз слышал.)

* * *

Шли тихо годы заточенья.
Где опыт жизненный его?
Всю глубину опустошенья
Он не изведал своего.
Он вёл себя богоугодно:
Иконы, чётки перед ним...
Сентиментальностью раним,
В нём чувство долга превосходно.

* * *

Не стану клясться головой,
Помог ли тут обычный случай?
Рассказ, читатель, слушай мой,
Себя догадками не мучай.

* * *

Так вот, несчастного, она
(Стрела дана не зря Амуру)
Лишила ангельского сна;
Как тут не вспомнить времена,
Когда прекрасную Лауру
Петрарка воспевал в стихах,
Её взываю к жизни прах...
Я говорю её словами,
Она как будто бы меня,
Целует жаркими устами...
Но перейду, пожалуй, я
К своей истории начальной
(Назвать её нельзя банальной)
На то достаточно причин;
Их, несомненно, я открою
С манерой чисто деловой;
Потрачу вечер не один,
Коль надо, я, на поясненье.
Во мне искать ли самомненье?

* * *

Монах естественней казался,
В её отсутствие грустил,
Открыто чувствам предавался,
Боюсь сказать, что... полюбил.
То ли от жизни он устал?
Иль жертвой стал воображенья?
Но только Бог чего-то ждал,
Чтоб суть рассеять заблужденья.

* * *

Ах, там, где водятся плуты,
Обычно боли головные;
Их трудно разгадать финты;
Насмешки, хоть и озорные,
Невольно могут оскорбить.
Их мимоходом обронить
Способен каждый к сожаленью;
Ответ звучит по настроенью.

* * *

Слепец прозреет постепенно...
С него покров сняла она;

Стал понимать, что жизнь бесценна
И, что печально, лишь одна!
В бравате глупой он своей
Изображал себя героем;
Не представлял себя изгоем
До наступленья тяжких дней.
Под впечатлением виденья
В ночи он часто бормотал,
Ловил часы уединенья,
Дрожа всем телом от сближенья,
Но перед ним не отступал.

* * *

Сурово море бытия!
Оно несёт погибель многим,
И он пошёл путём пологим,
Надеждой светлою живя.
Не отвергая всё земное,
Заблудший, тешился мечтой...
Он взором небо голубое
Ласкал улыбкою чудной.
Ещё одно, увы, несчастье
Он мимоходом приобщил:
D'Анжои будило в нём приростъ;
(Черту стыда переступил.)

Вино не только расслабляло;
По волшебству оно впервой,
Похоже, совесть заглушало,
Мажорный подарив настрой.
В нём зарождался вкус гурмана,
Стремился к тайне женской он...
Играя часто роль султана
(Он содержанье знал корана),
Не рассуждал как Цицерон.
Он не испытывал тревоги
За вольнодумие своё;
Ему привиделись чертоги,
Где обитали полубоги
В бесценном образе её.

* * *

Свою любовь, ища впотьмах,
(Не утаить в мешке ведь шила)
Преображался на глазах,
Повёл себя как вертопрах;
Его всё это не смутило.
Так становясь вернейшим другом
Веселья, женщин и вина,
Связал себя порочным кругом,
Где лишь фантазия одна.

С улыбкой хитрой донжуана
От счастья птицею порхал,
Но голос разума молчал —
Другого нет как будто плана.
В таком, известно, состоянье
Грехов уже не перечеть...
Я ж перейду на одеянье,
Приметы скромности в нём есть.

* * *

Одежда словно балахон;
Был дан пример тут прилежанию;
На жизнь он не был обозлён:
Её он выбрал по призванию!
Узлы на поясе его;
Значенье их неоспоримо,
В нём отражается незримо
Цель достижения. Оттого,
Надежды часто окрыляли.
Известно, как они влияли!
А как же с обувью своею?
Была удобной и простой;
На шее крестик золотой;
К нему я, словом, тяготею!

* * *

Зло ворожбы он отвергал,
Был не похож на шарлатана,
А так же и на интригана,
Он то, что думал, излагал.
Но мог, кому доверить он
Свои душевные сомненья?
Идущим к Богу на поклон
Под колокольный долгий звон
Во имя самоотреченья?
Образовалась пустота,
Её заполнила природа.
Боясь печального исхода,
По зову сердца неспроста
Поддержки ищут у Христа.
Его тянули приключенья,
От монотонности страдал;
Великих строк нравоученья,
Как раньше, с жаром, не читал.

* * *

Есть искушения. Они —

Сродни затмению светила,
Погаснут разума огни,
Не восхищают даже дни:
Грядёт ночей бессонных сила!
Я на пороге тех открытий,
Где неуместен вовсе спор.
Я слышу будто разговор,
Предвидя ход плохих событий;
Они неожиданно появились,
Они как горькие плоды...
Тут даже ангелы взмолились,
Шептались, суетно крестились,
В свои не веруя труды.

* * *

Палач над жертвою глумился,
Ночами плоть его казнил;
Без приглашения явился,
Напрямому заговорил:

Сатана

«Сними с себя предубежденья;

Не будь, прошу тебя, брюзгой;
В крови нередко молодой
Таятся сильные влечения...
Ты только, слышишь? – не теряйся!
Ей можно голову вскружить,
Галантно с нею обращайся
Да не забудь, притом, шутить.
(Я говорю о *незабвенной*...)
Совет даю непросто свой,
Ты с ней один во всей Вселенной;
Спешి немедленно за мной!
Во имя женской красоты
На гибель шли, смеясь, народы...
В ней ощущение свободы!
Её прельстишь собою ты!
Она для времяпровождения,
Она как песня соловья,
Она достойна поклоненья;
О, не любить её нельзя!
А ноги стройные! А кожа!
Глаза и брови и уста,
Вот и у свадебного ложа...
Твоя, не это ли мечта?
О тех местах же непристойных
Скажу, возможно, невпопад:
Они часты в речах запойных,
По ним страдают: стар и млад;
Туда спешит умалишённый,
Задетый музою поэт,

И даже клирик отрешённый,
Дававший святости обет.
Запретный плод отведай смело!
Веселья жаждет и она;
Насмешек время пролетело
И летаргического сна!
Не будешь ты разочарован,
Желают страсти одного...
Кто лишь настойчив да раскован, —
Скорей добьётся своего!
Меня порой обида гложет,
Я говорю с тобой как брат;
Ужели душу не тревожит
Сей полный вожделенья взгляд?!
Далёк от зависти и я;
Предай анафеме святыни!
Они – для суетной гордыни;
Прошу, не стой у их огня!
Я расскажу ещё немного...
Тебе совет поможет мой...
В ней только кажется всё строго,
По нраву ей характер твой.
Смущенье ложное всегда
Лишает чувства наслаждений;
Я ошибаюсь иногда,
Но здесь увидел без труда
Взаимность чистых устремлений!

Свежа, полна очарованья!
Бывает взбалмошной. Постой!
В ней также плещутся желанья
Прозрачной, чистой волной.
Ты, как же, вправе усомниться,
Тут речь без пафоса – ясна;
Привычка старая вредна;
Мой друг, ты должен распрявиться!
В любой момент любовь согреет,
Хотя её и губит быт;
А что же сердце? – охладает;
О, сей закон не мной открыт.
Не обращай с ней лениво,
Не спорь впустую, горячо,
Не будь заносчив; горделиво
Глядеть не смей через плечо!
Не бойся божьей тени грозной...
Ещё внимания, чуть-чуть:
В её проникни, молча, суть
Своей игрою виртуозной.

Встречал я лёгкие отказы...
Они, для женщины – бальзам!
То их весёлые проказы;
Не верь, прошу тебя, слезам!
Спешить не стоит без причины;
Смотри и впредь не оплошай!
Пишу реальные картины;
Не делай только глупой мины,
Я помогу – не унывай!
Когда она в порыве страсти
Тебя прижмёт к себе рукой,
О козырной же вспомни масти —
Лиши невинности святой!
У плоти есть свои границы,
О том написано давно;
В тебе познаний лишь крупичицы,
Так не веди ж себя смешно!
Скажу без ложного стыда:
Есть в неумении проблема,
Но полно – это ли беда?
К тому же даже не дилемма.
Порыв любви ослабевает,
Минуты счастья позади,
А дева просит, умоляет:

«Ещё немного, подожди!!!
Во мне горячие желанья,
Могу в объятьях задушить...»
И только вздохом назиданья
Твои напрасные старанья
Готова искренне простить;
Как над собой не подшутить?

* * *

Забав беспечных в радость шум,
Там путь к решению спонтанный,
Там голос у девиц жеманный,
Там нет следа глубоких дум.
Открою тайну: лишь терпенье,
Обилье ласки и тепла
Лишает зависти и зла;
Я допускаю здесь сравненье:
Когда на ясном небосводе
Ещё красуется луна,
Слова, как птицы на свободе,
Не говорят здесь о погоде,
Ждёт предложения она.

* * *

Благодари за откровенье;
Я говорю полушутя...
Мне ль тут оказывать давленье?
То было Бога упущенье;
Ты как наивное дитя!
Твоё печалит лепетанье,
Моё надежнее плечо;
Так приложи своё старанье;
Я убеждаю горячо!
И хоть не знаешь толком брода,
Ты ж не бесчувственный чурбан?!
Того ли требует природа?
Ну что стоишь как истукан?
Вниманья женщина желает,
Монеты звонкой иногда;
Не бойся Страшного суда,
Пусть он тебя не занимает.
Забрось, скорей, своё ученье,
Забудь, что Бог предначертал;
К чему духовное мученье?
Ужель ещё ты не устал?!
О, есть на свете жизнь другая...
Твоя проходит стороной:
Она как рана ножевая,

Как разговор... с глухонемой.
Ход рассужденья моего
Понятен каждому, бесспорно;
Я не краснею за него,
Берусь за дело я проворно.
На обещания пустые
Не трачу время никогда!
Пути мне ведомы простые,
Их нахожу я без труда.
Одних я направляю в бой,
Другим глаза открою шире;
Я им понятия о мире
Толкую с ясной головой!
И ты, не сразу, – постепенно,
Поймёшь, что истина одна,
Себя почувствуешь блаженно,
На то ведь я и... Сатана!

* * *

О, никогда, мой друг, не поздно
Азы науки познавать!
Глядеть не стоит одиозно...
Когда-то нужно начинать?!
На жертву я пойти готов
Во имя дружбы, а не славы;

Избавлю душу от оков;
Я воздержусь от резких слов,
Над злом не требуя расправы.
Тебя в обиде не оставлю,
Ведь в людях лучшее ищу;
Я подвиг твой в веках прославлю...
Охотно позже навещу».

* * *

Монах в лице переменился,
От страха выпучил глаза,
В четвёртый раз перекрестился;
Ему, казалось, образа
Черты живые обретали,
Они как будто осуждали.
Нечистой силе повезло:
То бросит в жар его, то в холод...
В поту несчастного чело;
Он был неопытен, – ведь молод.
И даже шорохи ночные
(Игра невинная мышей),
Порой, натужный скрип дверей —
Всё слышал будто бы... впервые.
Замечу, кстати, с этих пор
Ему не слал бы я упрёков;

Меня избавьте от намёков...
Итак, продолжу разговор.

* * *

Теперь и в келье жутко стало,
Тепло не радовало дня;
Судьбу неистово браня,
Всё чаще выглядел устало.
Он заключал в свои объятия
Любовь, надежду и мечту...
В душе заполнить пустоту
Желал минутой сладострастья
И утешал себя в рыданье,
Пришлось не раз слезу ронять...
Нередко мысли о венчанье
Им стали уж овладевать.
Зашёл он слишком далеко,
Не понимая суть последствий;
Я назову причину бедствий —
Мне сделать это нелегко.
Не раз во время покаянья,
Старался боль в груди сдержать;
В минуты полного отчаянья
В нём кровь текла как будто... вспять!
Грешил, вины не сознавая,

И на глазах, увы, худел,
Псалмы всё реже повторяя...
И плохо спал и хуже ел.
Открыв знакомую страницу,
Он понял – сердцу всё равно;
Что видел он? – свою темницу,
Где жить до смерти суждено.

* * *

Немало знал и я людей,
Живущих мерками двойными,
Хочу назвать их крепостными,
Попутал словно их злодей —
Он для неправедных путей.

* * *

А дева, чувства не скрывая,
Светилась радугой земной;
Улыбкой доброй поражая,
Влекла как эхо за собой.
Ей только крыльев не хватало,
В ней всё божественно цело...

Итак, его очаровала.
Стыдливость томная бросала
Тень любопытства на чело.
И вот спешит он к ней навстречу,
Но странность в нём подчас уже
(Я без иронии замечу)
Свой след оставила в душе.
В тупик наивность завела,
Окрепла в нём она с годами;
Да, с ним в гармонии жила,
А ведь она смешит местами.
Страсть разум под себя подмяла
Мужчину, пробуждая в нём,
Приятно тело возбуждала,
Стояла часто на своём.
В подобных случаях совет
Необходим, без промедленья!
Уже достаточно примет,
На них пролить желаю свет;
Мне дорога свобода мненья!

* * *

К нему она, в ночи являясь,
Час приближая роковой,
Ласкала нежною рукой...

Он, в женских прелестях купаясь,
Священный долг не помнил свой.
Во время отдыха, смиренно,
Переступал, страшась, порог,
Все мысли путались мгновенно —
Сосредоточиться не мог.
Он будто пулю сражённый,
Валился грузно на постель;
Понять не трудно – искушённый
Не разводил бы канитель.

* * *

Её он будто бы ваятель,
(Как цвет невинности мила!);
Неугомонный воздыхатель
Не находил себе угла.
Пора, пожалуй, мне представить
Уже по имени его;
Оно способно позабавить
Меня не только одного.
То имя было обиходным,
Скажу уверенно – народным,
Оно старинных, знать, корней,
Звучало просто – Тимофей!
Так в четырёх стенах блуждая,

Держа молитвенник в руках,
Уже бессовестно зевая,
Глаза от скуки закрывая,
Всё чаще думал о грехах.

* * *

Понятно, Бога тут заело,
К нему явился он во сне
И молвил так: «Возьмись за дело!
Мне всё порядком надоело;
Ты с Сатаною – наравне!
Я вижу страшное начало,
Ведь то безумия налёт...
Тебе хлопот недоставало?
Иуда ты из Кариот!»

* * *

Похоже, сила убежденья
Пришла на помощь в самый раз,
Да вот молитвенного бденья
Хватало... только лишь на час.
Он снова к Богу с завереньем:

«Терзаюсь тем, что сотворил,
Терзаюсь даже наслаждением
Да тем, что клятву преступил!
Не сплю давно уже ночами,
Меня преследует обман,
Чужими брежу я словами,
Я ослеплён её дарами...
Сними с очей моих туман!
Дай срок, прошу тебя, мой Боже,
Мне раны сердца залечить!
Так будь же, будь со мной построже...
Доколе слёзы должен лить?!
Доколе в келье сиротою
Себя я буду ощущать
И измываться над собою,
И в мыслях дальше согрешать?»

* * *

Господь узрел: его сомненье,
Всепоглощающую страсть,
Её губительную власть,
Не то, что прежде поведение.

Часы настали испытаний;
Кому неведомы они?
Мрачнее, тягостнее дни...
Ошибки ищут оправданий.
Освободиться нелегко
От заблуждений своенравных;
Тут надо мыслить широко,
Вникая в беды глубоко,
Живя законом... благонравных!
Восторги прежние вдали
(Я говорю о божьем слове);
Его надежды отцвели,
Вдруг оказался на мели,
Но для соблазнов – наготове!
Он испускал ночами стоны;
Его терзали душу сны,
Где враг несёт в бою уроны,
Где у гробов стенают жены,
Где шаг не сделать без вины!
Не укротить ему страстей,
На шее будто он с петлёю;
Он от любви сгорал своей
С невероятной быстротою.
Переживания его

Не удержать, пожалуй, втайне,
Бог озабочен ими крайне,
Но положенье таково.
Даю вам кельи описание
Своё, используя старанье;
Настало время. А теперь,
Приотворю тихонько дверь.

* * *

Там простотою всё дышало:
Из двух досок в углу кровать,
На ней льняное одеяло
И рядом столик, чтоб писать.
У изголовья крест, икона
Да обгорелая свеча;
Земля ждала его поклона.
Судьбу нелёгкую влача,
Он слушал Духа наставленья
(Урок принёс покой ему),
Хвала смиренному уму!
Готово всё для примиренья.
Слова победу одержали,
Сопровивленья подавив,
Ещё сильнее убеждали,
При этом так предупредив:

«Порой опасно заблужденье;
Ты, для Всевышнего – слуга!
За независимое мненье
(В том вижу вероотступленье)
Не пощадит и он врага!
Но коль разгневаешь его,
Познаешь ты стихии силу,
И он добьётся своего —
Сведёт изменника в могилу!
Молись за счастье вдохновенно,
Он за твоей стоит спиной...
Люби ж Творца самозабвенно
И жертвуй полностью собой.
Твоё он примет послушанье
И щедро, знай, вознаградит;
За бескорыстное старанье
В раю, быть может, поселит.
Спасёт от гибели прозренье;
В тебе незрелость вижу я;
Где столь желанное терпенье
Да вера твёрдая твоя?
Запомни, сын, достойных мало;
Душой мне незачем кривить;
Надеюсь, время не пропало;
Старайся больше не шалить».

Слепого, прежние круги,
Тянули к жизни одинокой.
Он шёл дорогою широкой,
Уже уверенней шага...
А дни летели с девой шумно.
Но как оковы рабства снять?
Монах считал, что неразумно
В тени возлюбленной стоять.
Казался в келье воздух душным,
Не помогал тенистый сад;
Ему там был душевный ад!
Похоже, был он малодушным.
И вот он в клетке, будто зверь,
И мечет гневные укоры...
За безграничные просторы
Он умереть готов теперь!
Не жил по внутренним часам
Привычек старых, поневоле;
Стремился к чуждым берегам,
К свободно дующим ветрам
Своей, бросая вызов доле.

* * *

У смысла жизни есть конец,
Когда уходят от традиций;
Они, как должный образец,
Тут всё окупится сторицей.
Вот равнодушные – о нём
Наслышан каждый, в самом деле;
Не говорят о нём тайком,
Его могу сравнить со злом,
О нём известно... с колыбели.

* * *

Монах, нарушив свой уклад,
И впрямь как будто взбеленился:
Читал молитвы все подряд
Да по инерции постился.
Таким потерянным не видел
Его давно уже никто;
Себя он тоже ненавидел,
Не знал пока ещё – за что.
Томился думою и взгляд,
Прощальный меряя наряд,

К судьбе готовил неизбежной,
Где свет надежды безмятежной
Горел звездой на небосводе...
(То был кратчайший путь... к свободе).

* * *

Мои сравнения порой
Пересекают все границы;
Не обхожу я стороной
(Для осмеяния строкой)
Любые также небылицы.

* * *

Ходил он с мокрыми глазами,
(Таким господь его не знал);
Любимой сердце предлагал
И под тяжёлыми шагами,
Казалось, пол уже стонал.
Дрожал болезненно монах,
Но то последствия страданий,
Им не владел, как прежде, страх,
Имел всё больше притязаний.

Его я чувства разделяю,
Не исключаю вовсе спор,
Не всё так просто здесь, считаю,
(Об этом дальше разговор).

* * *

Ведь не секрет, что хор церковный
В иной уводит часто мир,
Где есть для всех один кумир,
Как привидение, бескровный.
Бежал от жизни он спокойной,
Забыв о прожитых годах;
Томился страстью непристойной
Уже не только на словах.
Освобожденье наступало
В нелёгкой внутренней борьбе
(Не в упоительной мольбе),
Таких не долго ждёт опала.
Его трагедия ясна:
Там нет священного союза,
Там умолкает даже муза,
Там гробовая тишина.
От горя там язык немеет,
Там сыро, холодно, темно,
Там только плакать суждено,

В бессилье ангел там бледнеет.
Так у библейского стиха
Искать защиты не старался
И перед тяжестью греха
Уже ничуть не содрогался.
Отмечу, даже ритуал,
Где духом как бы воскресал,
Он принимал за исключенье;
Его глубокое значенье
Умом раба не постигал!
Слабеет чувство там вины,
Где есть уверенность и сила;
Там наставления скучны,
Там виден происк Сатаны,
Бесчестьем скорым там грозило.
Как тут не вспомнить о святых?
К ним часто память возвращает,
Они в анналах вековых,
Их жизнь на подвиг вдохновляет.

* * *

Монах упрямо, всем назло,
Не замечая в ней изъяна,
Сам излучал уже тепло,
Но ветром хитрого обмана

На скалы чёлн его несло.
Другим как будто в назиданье
Решил самим собою быть;
Глушцом не хочется прослыть,
Могло грозить ему изгнанье.
Любовь возвышенная крепла,
Её бесстрашно защищал
И вместе с нею, как из пепла,
Он возрождался и мужал.
В такие хочется часы
Его назвать своим героем;
Фемиды праведной весы
Здесь не покрыты пыльным слоем.
Кому-то, может быть, смешно...
(Понять легко его желанья),
Но путь пройти ему дано...
Ах, в жизни этой всё равно
По большей части лишь страданья!
Ночь обостряла ощущенья,
Он деву страстно целовал,
Себя, в те чудные мгновенья,
Отцом семейства представлял.

* * *

О, сколько сразу перемен!

Смятенъе чувств игрой опасной
Напоминает шторм измен
С его картиною ужасной.
Великолепна утра свежесть,
Роса на травах и цветах,
На море вечер при свечах...
Так в новизне своя есть прелесть.
Её он видел в помутненъе,
Свои ей губы подставлял;
Уже в его мировоззренъе,
Похоже, *женский идеал*,
Власть на него распространял.

* * *

Событий здесь водоворот,
В них разобраться толком сложно,
Здесь отступленъе невозможно,
Неясен здесь борьбы исход.
Несла та дева расслабленъя,
Она умела баловать;
А как же чувство наслажденья?
Его, увы, не описать!
Воображение бессильно
Перед сиянием любви:
Оно так щедро и обильно

Пускает корни вглубь свои...
О, если б только увлечение
Пленить неверного могло?
Теряла цель своё значенье,
Жестоко сердце Бога жгло.
Хоть каждодневная мольба
Горела думой благородной,
Но сына блудного судьба
Всегда считалась неугодной.
Как будто кто-то рану солью
Из чувства мести посыпал...
Её измучен был он болью,
Но всё ж, как мог, преодолевал.

* * *

На перепутье, без труда,
Порой принять решение сложно;
Капкан в соблазнах иногда,
Ступать тут надо осторожно.
Хорошим хочется манерам
Невольно втайне подражать;
Так в просьбе чутким кавалерам
Труднее всё же отказать;
И промах тут не освещают,
Улыбке многое прощают.

Коль совесть в ссоре со стыдом,
В свои права там ложь вступает,
Клин в отношения вбивает,
Средь бела дня она как гром!

* * *

Монах, пусть слабо, но роптал,
Он ощущал себя в вольере;
В его надуманной химере
Ведь было всё, что бес желал.
Кому неведомы забавы?
Не режет слух веселья шум —
Там нет серьёзных, правда, дум,
Там нет борьбы во имя славы.
Ему же в радость было всё;
Могу добавить я ещё:
Шутил он, мило улыбался,
В глаза с достоинством смотрел,
Как будто с долгом рассчитался
И даже, чуть, помолодел.
Он был заложником затей,
Причём курьёзных, как ни странно.
Да, вёл себя не бесталанно,
Что льстило, несомненно, ей.
Мужская гордость восставала,

Стремясь упущенное взять,
А дева только повторяла:
«Хочу ещё; ещё, опять!!!»
Он изливал бальзам любовный
В её таинственную суть;
Его характер прежде ровный,
На удивленье – хладнокровный,
Теперь, избрав опасный путь,
Готов... на Бога посягнуть.
Так продолжалось до рассвета;
И вот он выбился из сил...
А что до Ветхого завета —
Его надолго отложил.

* * *

Монахи стали понемногу
Его при встрече избегать,
Но с уважением дорогу
Не перестали уступать.
Не утаить уже причуд;
У слухов есть глаза и уши,
Они не плохо всюду лгут
И хороши для долгих смут
В боях на море и на суше.
А в пересудах, не секрет,

Иначе видят *божй свет*.

* * *

В такой, конечно, атмосфере
Молиться стало тяжело,
Несли служители потери,
К закату дело быстро шло.
Вздыхая, горько сожалею
О том, что так случилось всё;
До осуждения её
Я опуститься не посмею!
Напомню вам о снисхожденье:
В себе его ищите след;
Так в лёгком часто поведенье
Лежит начало тяжких бед.
Всегда приятно чувство меры,
Как блики радуги оно;
Жаль, знатоком Великой веры
Ему уж стать не суждено.
Чудил, бесспорно, Тимофей,
Как и сама порой природа,
Узреть в ней можно сумасброда,
Немало сказано о ней.
Свои я мысли изложу,
Не нарушая формы слога,

На стих судьбы переложу,
Не трепеща пред силой Бога.

* * *

Перевернулась вверх ногами
С тех пор вся жизнь в монастыре;
Монахи бредили ночами,
В греховной путаясь игре.
Не всем ошибок очевидных
Дано увидеть за собой;
Поступков много незавидных,
Один из них передо мной.

* * *

Однажды, в День Благословенья
Они собрались у дверей
И наблюдали без стеснения,
Напротив, с чувством умиленья,
Что вытворял там Тимофей.
Там было чем себя насытить...
(Прозрел бы, кажется, слепой);
В них поселился демон злой,

Желая каждого унижить.
Глаза их будто вылезали
От удивленья из орбит,
Одежды друг на друге рвали...
Господь такое не простит!
На них он двинется в поход
С суровым словом осужденья,
В счастливый веруя исход;
Теперь зачинщиков глумленья
Он призовет скорей к ответу,
Дав ход строжайшему запрету.

* * *

Не стану в дебри углубляться,
Тень ни к чему на всех бросать;
Там стали многие кривляться
И хором жалобно стонать.
Их стоны, как раскаты грома,
Распространялись до небес,
Там были признаки Содома,
А управлял всем этим... бес!
Так среди них он забавлялся,
С охотой руки потирал,
От смеха по полу катался
Да жертвы новые искал.

В успехе дерзком торжествуя,
С великой радостью губя,
О лжи с пристрастьем повествуя,
Он не жалел ни в чём себя.
Поил он ревностью их души,
Меняя с хитростью покрой;
Их открывал для ссоры уши,
Желая зависти слепой
Придать оттенок... золотой.

* * *

Каноны строгие морали
Не соблюдал уже никто;
Манили их иные дали,
Где нет ни скорби, ни печали,
Где интересы есть зато:
Сегодня – это; завтра – то.
На свете есть ещё примеры,
Которым стоит подражать,
И Бог воскликнул: «Лицемеры!
На вас проклятия печать!
Вы позабыли Добродетель
И силу слова моего;
Я ваш – Отец! Я ваш – Радетель!
Ужасной пошлости свидетель;

Не пощажу я, никого!»
Но тут слегка заколебался;
«Своих ли подданных губить?
Проступок нужно осудить!
Я, видно, где-то просчитался...»

* * *

Явился он к монаху снова
И молвил: «Сын, остепенись!
Альковных походов зова,
Предупреждаю – сторонись!
Представь, когда один в пустыне
Ты изнываешь от жары —
Ужель прекрасной половине
Несёшь сердечные дары?
Ужель тобой владеют грёзы?
Ужель смиришься ты с судьбой,
Коль может сниться лишь покой,
Коль явь навёртывает слёзы?
Иль предаёшься сладкой неге
Про смерть грядущую забыв?
Напоминает мой призыв
Тебе о вражеском набеге;
Твой, как же, ветренен порыв!
О ней давно развеян миф,

В себе таит она опасность;
Как понимаешь, я – за ясность.
Что знаешь ты о женской сути?!
Она – стихия чёрных дней!
Зачем стоишь на перепутье
Своих желаний и страстей?
Я знаю слабости твои,
Тебе во вред им потекают.
Во имя истинной любви
Придёшь в объятия мои...
Их, для покорных раскрывают.
И вот спаситель долгожданный
Явился, словно ангел вдруг,
А, ты, доселе бездыханный
Уже своих не помнишь мук.
Где корни истины? – в смиренье!
Клянусь адамовым ребром!
При постоянном очищенье,
Под изнурительным трудом...»

* * *

Так, отчитав, он испарился,
Решив, что цель свою достиг;
Монах, казалось бы, смирился,
Но это был лишь только миг.

Всё в Тимофее восставало,
Мечтал о лучшей он поре;
Уж обстановка угнетала
Его в родном монастыре.
Среди глубокой, тёмной ночи
Во сне воспитывал детей,
Взывали к помощи их очи,
Тянулись руки к ним сильней.
Хотел он жизни полноправной,
Хотел он счастья, наконец,
Хотел любви он как юнец —
Высокой, чистой, благодравной!

* * *

Спасенья не было уже,
Ждать бесполезно утешенья,
Быть ни к чему настороже,
Царили в кельях вождельня!
Молитвы быстро утомляли,
Клонило в сон буквально всех,
Уже над библией зевали,
Забав желая да потех.
Господь бросал, но только в гневе,
Продажной совести упрёк;
Ах, увлечённым невдомёк

Открыть свою погибель в деве!
Обряды путали подчас,
Ведь лень предстала частью быта;
Замечу с грустью, без прикрас,
Её угроза не забыта.

* * *

Я не сужу чужих ошибок:
Свои и проще и смешней,
Они скорее для улыбок,
Для легкомысленных людей.
Кто часто слишком молчалив,
Тот непременно будет в тягость,
К тому подкралась тихо старость;
Страдания в душу запустив,
Они его отравят младость.
А здесь компания друзей,
Где хмель с утра уже во взорах —
Там наступил разврат идей,
Где каждый будто дуралей —
Там одержимость в бурных спорах!
Господь, опасность сознавая,
Искал пути, минуя зло,
Свой ум предельно напрягая,
Но всё не так, как надо, шло.

Он предавался рассуждению:
«Что за нелепая судьба?
Учил я строгости, смиренью,
Взывал их души к примиренью,
В умах же их – одна гульба!
Как образумить мне заблудших,
Вернуть достоинство и честь?
Искоренить я должен лесть;
Позор лежит на самых лучших!
Задача, скажем, не простая...
Хотел бы их за всё простить...
Где ж середина золотая?
Кого в содеянном винить?
Не спится мне; я весь в тревоге;
Но по какой пустить дороге?
Благие где лежат деянья,
Где нет причин для оправданья?
Быть может, выбор дать свободный
Без принужденья и похвал?
Ужель для них я инородный?
Ужель напрасно вразумлял?
Пусть, что надумают – решат —
Туда, наверно, и спешат;
Но в чьих окажутся руках?
Меня охватывает страх.
Не избежать больших невзгод;
Стою я на семи ветрах...
Здесь нужен правильный подход!
Чинить не стану им преград,

Займусь другими я делами;
Известна суть моих наград:
Живу я там, где райский сад,
Где тоже скучно... временами».

Эпилог

Прошли столетия – не годы,
Сия история верна,
О ней слышаны народы.
Там необычна тишина,
И к ней я слухом прикоснулся
И перенёс себя туда
Легко и быстро – без труда;
О, в чувствах я не обманулся.
В плену сильнейшего волненья!
Его я вам передаю...
Вот жду счастливого мгновенья,
Передо мной его виденья...
Здесь душу я познал свою!
Но монастырь с тех пор забыт,
Звон колокольный не тревожит,
Край безмятежностью покрыт,
Бог красоту безмерно множит.
Там воцарился прочный мир,
Его чудесно возрожденье...

Будил в умах воображенье
Тот сатанинский долго пир.
Легенда, правда, утверждает,
Что ночью в келье свет горит,
Что дух монаха там блуждает
Да с девой кое-что творит...

21.06.96–26.06.96